путешественники, как П. А. Толстой, выглядели смешными на Западе и «въезжали в Неаполь точно в Кострому». 14 Нет, П. А. Толстой, как и другие путешественники той эпохи, прекрасно понимал, что он находится в Неаполе, знал, что ему надо в этом городе, и смотрел на Неаполь без боязни показаться смешным.

Смешной была для читателей XIX в. непривычность лексических средств и их несоответствие (с точки эрения позднего времени) описываемым предметам. Так, рассказывая о встрече с губернатором Мальты, престарелым человеком, который приглашает русского путешественника «в дом с великою любовью», П. А. Толстой пользуется простонародной лексикой, весьма выразительной и непривычной именно для литературы позднего времени, но вполне оправданной в петровскую эпоху: губернатор — «молодец изрядной», путешественника он «встретил на крыльце», просит, чтобы путешественник «с ним мало посидел в воротах».

Толстому свойственны сердечность и теплота в обращении с людьми, в особенности с теми, кто оказывает ему внимание, и отчасти эстетическое восприятие виденного. Но прежде всего он глубокий рационалист. С рационалистических позиций он воспринимает природу. Его пейзажные зарисовки кратки, выразительны и рационалистичны. Живописно и вместе с тем деловито говорит он, например, о морской буре: «... корабль наш мало грузен и шел таков криво, что пушки с нашего корабля чертили по воде», но вот «ветер переменил дыхание», «в тот час увидели от ветров северные хмуры оболоки, и опасно было того, чтобы ветер не напал на развитые паруса, от чего, упаси боже, чтоб не учинило порухи кораблю»; «а в той ночи зело было пасмурно и звезд видеть было невозможно»; «и во всю ночь бежали мы в море от берегов прочь на северные ветры, куды нам не хотелось, и на утро бежали на ту ж северную сторону, и... прибежали в Далмацию».

В путевых очерках П. А. Толстого заметна и юмористическая окрашеннность некоторых описаний, лукавство, порою смешанное с удивлением. Так, путешественник не без насмешки рассказывает об избрании короля в польском сейме, когда в порыве политических страстей «окна великие и окончины были стекольчатые все повыломаны и окна разбиты от нестройного совету и от несогласия во всяких делах». Юмор совсем не встречался в древнерусских хождениях, где описания были полны глубокой серьезности и абсолютно лишены какого бы то ни было юмористического оттенка.

Яркой индивидуальностью встает перед читателем путевых записок и Б. И. Куракин. Его в первую очередь интересует жизнь аристократической Западной Европы, внешняя культура «знатных

¹⁴ А. Н. Пыпин. История русской литературы, т. III, стр. 257.